

УДК 343.11

В статье анализируются содержательные аспекты процесса построения конструкций экономических преступлений в уголовном праве, исследуются особенности использования юридических символов в регламентации норм уголовно-экономического законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : экономические преступления; законодательная техника; правотворчество; состав преступления; законодательное средство; юридические символы.

The article analyzes substantial aspects of construction process of economic crimes in the Criminal Law, features of using legal symbols in the regulation of standards of the Criminal Economic Legislation.

К e y w o r d s : economic crime; legislative technique; law-making; corpus delicti; legislative means; legal symbols.

О. Г. Соловьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

**Юридические символы
как средства конструирования составов преступлений
в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ)**

Научная статья

O. G. Solovyev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

**Legal Symbols as Means of Constructing of Crimes Structures
in the Sphere of Economic Activity
(Chapter 22 of the Criminal Code of Russian Federation)**

Scientific article

В самом общем понимании под правовым символом следует понимать охраняемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое образование, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл, не связанный с сущностью этого образования. Правовые символы – своеобразные специфические средства формализации юридического содержания в целях придания ему четкости, определенности, лапидарности и образности.

История использования символов как особых регуляторов общественных отношений уходит в далекое прошлое. Они были изначально присущи праву и играли важную роль в регулировании поведения людей в период так называемого неписаного архаичного права. Свое значение символы не потеряли до настоящего времени

и более или менее широко используются практически во всех отраслях действующего отечественного и зарубежного права. На сегодняшний день правовые символы как знаковые кодированные регуляторы в разном объеме и качестве активно используются в нормативной регламентации всех сфер общественных отношений.

Символы как средства законодательной и правоприменительной техники часто являются наиболее удобным и доступным инструментом для понимания и регулирования общественных отношений. Для них характерна наглядность, краткость и лаконичность. Если символы понятны и укоренились в сознании рядовых граждан, то государственно-властное веление, внешне выраженное в виде символа, будет реализовываться даже на подсознательном уровне. Это позволяет некоторым правоведам вести речь о сим-

© Соловьев О. Г., 2016

волическом характере права [1, с. 10; 5, с. 12]. В отдельных случаях символы являются единственными технико-юридическими средствами, с помощью которых возможно экономичное и адекватное конструирование нормы права, в том числе и уголовной. Так, трудно себе представить конструирование диспозиции норм УК РФ без использования таких символов, как: «Конституция Российской Федерации» (ст. 278 УК РФ), «пограничный знак» (ст. 323 УК РФ), «государственные награды Российской Федерации, РСФСР, СССР» (ст. 324 УК РФ), «Государственный герб Российской Федерации или Государственный флаг Российской Федерации» (ст. 329 УК РФ), «приказ начальника, отданный в установленном порядке» (ст. 332 УК РФ) и др. [4, с. 98; 6, с. 47]

Понятие символов изначально сформулировано в общей теории права. Под правовыми символами понимаются закрепленные законодательством условные образы, используемые для выражения определенного содержания. К признакам правового символа относят: а) законодательное закрепление, б) общеобязательность, в) обеспеченность государственно-правовыми мерами, г) общепонятность, д) избирательность [4, с. 98]. В литературе можно встретить и другие варианты набора исследуемых признаков, которые определяют правовые символы как: 1) искусственные знаки, имеющие условную (конвенциональную) природу; 2) признаваемые государством и поддерживаемые силой государственного воздействия; 3) служащие для закрепления и выражения юридически-значимого содержания [3, с. 42]. К примеру, А. В. Никитин в качестве дополнительного признака указывает на то, что правовой символ закрепляет социально-значимое юридическое содержание [5, с. 14].

Правовые символы, как уже говорилось, используются прежде всего в регламентации норм-запретов в Особенной части УК РФ, однако в редких случаях они встречаются в Общей части: «военный корабль или военное воздушное судно Российской Федерации» (ч. 3 ст. 11 УК РФ), «совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти» (п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В главе 22 УК РФ символы применяются для описания специфической природы предметов или средств преступного деяния (например, *лицензия* в ст. 172, *государственный реестр юридических лиц*

в ст. 173.2, *государственное пробирное клеймо* в ст. 181, *ценные бумаги* в ст. 185, 185.4, *налоговая декларация* в ст. 198, 199).

По юридическому содержанию упомянутые символы можно разделить на две группы: 1) символы – документы, карты или знаки, предоставляющие или закрепляющие имущественные права, выраженные в денежном эквиваленте (*ценные бумаги, валюта РФ, иностранная валюта, дорожные чеки, кредитные карты, векселя и т. д.*); 2) символы, отражающие фискальные, контрольные, коммерческие и другие права и обязанности государства, коммерческих организаций и иных субъектов экономической деятельности (*лицензии, государственный кадастр недвижимости, единый государственный реестр юридических лиц, межевой план, акцизные марки, знаки соответствия, торговые знаки, государственное пробирное клеймо, налоговая декларация и т. д.*)

Правовые символы, закрепленные в диспозициях норм о преступлениях в сфере экономической деятельности, представлены и в первой и второй группе статей, при этом они могут быть «смешаны» в конструкции одного конкретного состава преступления (например, ч. 1 ст. 170.1 УК РФ). В подавляющем большинстве правовых символов в рамках гл. 22 УК РФ встроены в редакции основных составов, поскольку в конструкциях квалифицированных составов используется отсылочный прием законодательной техники, позволяющий не использовать повторно признаки (в том числе и символы) основного состава. Однако в одном случае, в силу специфики квалифицированного состава воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности, правовой символ («судебный акт») включен как дифференцирующий признак в ч. 2 ст. 169 УК РФ.

Достаточно часто закрепляются правовые символы в подстатейных примечаниях, содержащих нормы-определения. В одних случаях в таких нормах раскрываются количественные показатели (*крупный, особо крупный ущерб, размер, доход и т. д.*), характеризующие криминообразующие или дифференцирующие пороги (см., например: «*Таможенный союз*» – примечание к ст. 194 УК РФ; «*налог*» – примечание 1 к ст. 198 УК РФ; «*дорожные чеки*» – примечание 1, 2 к ст. 200.1.1 УК РФ), в других – раскрывается, уточ-

няется юридическое содержание того или иного признака (см., например: «*единый государственный реестр юридических лиц*» – примечание к ст. 173.1 УК РФ, «*дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), ценные бумаги*» – примечание 5 к ст. 200.1 УК РФ).

С недавних пор юридические символы появились в нормах института освобождения от уголовной ответственности. Так, в примечании 4 к ст. 200.1 УК РФ (контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов), предусматривающем специальное освобождение от уголовной ответственности, указано, что лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства и (или) денежные инструменты («*дорожные чеки, векселя, банковские чеки*»), освобождается от уголовной ответственности.

Особенностью указанной юридической символики является то, что она опосредована бланкетностью нормы. Соответственно, ее характеристика и специфика основаны на анализе отраслевого законодательства. В этом есть несомненные плюсы, но есть и минусы, которые обусловлены либо субъективными, либо объективными факторами. Объективные факторы связаны с обширностью, противоречивостью, пробельностью иноотраслевого законодательства. Включая тот или иной символ в материю диспозиции, законодатель не всегда осознает особенности корреспондирования его желаемого юридического содержания с реальным, базирующимся на неуголовных нормативных актах. Видимо, для более тщательной и обоснованной прорисовки символов в уголовно-экономическом законодательстве необходима глубокая совместная аналитическая работа со специалистами иных отраслей права. Непонятно почему в ст. 185.4 УК РФ упоминаются *ценные бумаги и эмиссионные ценные бумаги*, если из всех этих ценных бумаг право на участие в управлении акционерным обществом, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О рынке ценных бумаг», дает только акция? Другие ценные бумаги – *векселя, закладные, коносаменты, облигации, чеки т. д.* – такого права не предоставляют. В данном случае в общий правовой символ «ценные бумаги», как в матрешку, входит несколько специальных «внутренних» символов, из которых только один может быть признаком состава воспрепятствования осу-

ществлению или незаконному ограничению прав владельцев ценных бумаг.

Заметим, что возможность неправомерно влиять на порядок корпоративного управления существует у владельцев таких ценных бездокументарных бумаг, как инвестиционные паи закрытого паевого инвестиционного фонда, однако незаконные действия с такими финансовыми инструментами прописаны в диспозиции ч. 1 ст. 185.4 УК РФ отдельно и не влияют на описанную выше ситуацию. Возможно, законодатель сознательно расширяет юридические границы бланкетного символа, чтобы не «кроить» потом уголовный закон вслед за изменениями в отраслевом законодательстве. Тогда где рамки такого абстрагирования, не станут ли в этом случае иноотраслевые нормативные предписания необоснованно расширять уголовные правоотношения?

Субъективные огрехи законодателя в использовании правовых символов связаны с поспешностью, непродуманностью, ангажированностью процесса конструирования уголовно-правовых запретов. К примеру, в диспозиции ч. 1 ст. 200.1 УК РФ (Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов) упоминается признак «*денежные инструменты*», в которые включены следующие правовые символы: *дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), ценные бумаги в документарной форме* (примечание 5 к ст. 200.1 УК РФ). Аналогично используется этот признак в примечании 3 и 4. Однако по непонятной причине при расшифровке крупного и особо крупного размеров (примечание 1, 2) законодатель необоснованно ограничивает круг незаконно перемещаемых денежных инструментов и говорит о «*двукратном (пятикратном) превышении стоимости дорожных чеков, разрешенных таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС к перемещению без письменного декларирования*». Как должен поступить правоприменитель, если контрабандным путем через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС перемещается вексель, который подпадает под признаки, указанные в диспозиции, но исчислить его размер формально невозможно, поскольку в примечании 1 и 2 указаны только дорожные чеки? Очевидно, что этот законодательный сбой, порожденный банальной поспешностью и невнимательностью правотворца, отсутствием надлежащей технико-юридической экспертизы законопроектов, должен быть устранен.

Ссылки

1. Бражник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 10–12.
2. Грузинская Е. И. Юридическая техника в теории права: определение содержания и границ понятия // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 5–8.
3. Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 42–48.
4. Кругликов Л. Л. Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. 336 с.
5. Никитин А. В. Правовые символы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1999. 241 с.
6. Соловьев О. Г. К вопросу об интерпретационной технике в уголовном праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 45–48.